

**РАБОЧИЙ КЛАСС В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
ВЫЗОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹**

Рассматриваются проблемы, связанные с изменением положения рабочего класса в глобальном масштабе на этапе перехода к постиндустриальному обществу. На основании анализа идей Э. Балибара, Л. Болтански и Э. Кьяппелло, И. Валлерштайна аргументируется, что утверждения теоретиков позднего модерна и постмодерна о распаде классовой структуры современных обществ не соответствуют действительности.

Ключевые слова: рабочий класс, классовый анализ, классовая структура, постиндустриальное общество.

T. V. Gavriljuk
Industrial University of Tyumen, Tyumen

**THE WORKING CLASS IN A GLOBAL CONTEXT:
CHALLENGES OF A POST-INDUSTRIAL SOCIETY**

The article is aimed to examine the change in the position of the working class on a global scale at the stage of transition to a post-industrial society. Based on the analysis of the ideas of E. Balibar, L. Boltanski and E. Chiapello, I. Wallerstein, it is argued that the statements of the late modern and postmodern theorists about the disintegration of the modern societies class structure do not correspond to reality.

Keywords: working class, class analysis, class structure, post-industrial society.

Переход к постиндустриальной стадии общественного развития заново поставил вопрос о классовой структуре современных обществ. Процесс деиндустриализации западных стран, расширение пространства потребления как поля для формирования жизненных стилей, цифровизация и развитие новых медиа изменили представления о макросоциальных общностях, границы которых стали не столь очевидны. В 1990-е ряд авторов утверждал распад классовой структуры общества ввиду утраты рабочими классовой идентичности, снижения уровня социальной напряженности и преобладания консенсусного типа взаимодействий в трудовых отношениях [6; 7]. Марксистская категория эксплуатации была заменена нейтральным понятием «социальное исключение», что позволило уйти от обвинительного дискурса и переопределить классовые отношения, сосредоточившись на нехватке определенных ресурсов у «исключенных» как следствия их индивидуальной жизненной ситуации.

Тем не менее, несмотря на непопулярность темы, ряд ведущих социальных теоретиков не утратили интереса к классовой проблематике, сконцентрировав усилия на исследовании трансформации социальных характеристик и положения рабочего класса в постиндустриальной капиталистической экономике. Они подчеркивали, что, несмотря на существенные изменения культурного пространства и изменения в трудовых отношениях, классовый антагонизм не просто не исчез, а переместился в пространство глобальных властных диспозиций. Важнейшим аспектом стала глобальная функциональная дифференциация национальных государств, часть из которых превратилась в глобальные производственные центры. Концентрация промышленности в развивающихся странах ухудшила положение местного рабочего класса и породила новые формы эксплуатации в глобальном масштабе.

Представитель альтюссерианской школы неомарксизма Э. Балибар описывает классовую дифференциацию в терминах гегемонии правящих классов. Фундаментом этой гегемонии является возможность организовывать трудовой процесс и оказывать культурное влияние посредством идеологии, тяготеющей к универсализму и преобразующей человеческую индивидуальность. По мысли автора, господствующая идеология укореня-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17–78–20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

ется в сознании масс благодаря необходимости создания общего «идеологического мира» для эксплуататоров и эксплуатируемых, невзирая на фундаментальный антагонизм их классовых интересов. Ее универсализм в современных обществах однако сопровождается сохранением дискриминационных иерархий, таких как расизм и сексизм [1, с. 14–19].

Говоря о влиянии глобализации на классовообразование, Э. Балибар проводит различие между классическим марксистским определением «мировой буржуазии» как институционально организованного, единого и солидарного господствующего класса и современным «мировым классом капиталистов», возникновение которого является следствием расширения процесса накопления и конкурентной борьбы на мировой уровень. При этом автор подчеркивает, что не существует идеальных типов классов, но есть процессы «пролетаризации» и «обуржуазивания», каждому из которых присущи собственные внутренние конфликты. Формы социальных отношений устанавливаются не между замкнутыми классами, а пересекают их. В частности, отношения конфликта подразумевают не только межклассовый антагонизм, но и наличие классовой борьбы внутри самого рабочего класса. В числе важнейших проблем, провоцирующих напряженность как между классами, так и внутри рабочего класса, автор называет институционализированный расизм. Его массовые политические предпосылки и следствия оказывают деструктивное влияние как на «пролетарские нации» стран Третьего мира, так и на новый рабочий класс Западной Европы [1, с. 14–23]. Антимигрантский расизм сегодня, по его мысли, отождествляет одновременно как классовую позицию, так и этничность. Э. Балибар не поддерживает точку зрения, согласно которой расизм есть идеология, навязанная рабочему классу извне с целью разрушения классового сознания. Он полагает, что присутствует внутренний конфликт между национализмом и классовой идеологией в самом рабочем классе и его организованных объединениях [1, с. 235–236].

Государство, являясь ключевым агентом трансляции идеологии, участвует в процессе конституирования классов. Оно играет решающую роль в процессе товаризации рабочей силы и пролетаризации труда путем нормативного регулирования, политики импорта и экспорта рабочей силы, мобилизации рабочего класса и др. [1, с. 196]. Автор также обращает внимание на алармистский дискурс, близкий современным дискуссиям о прекариате [5]. Он подчеркивает, что наклеивание ярлыков девиантности к рабочему классу, формирование представления о его социальной опасности и расистские определения «природы» его представителей (бездуховность и аморализм, врожденная склонность к пороку, сексуальная распущенность, телесная ущербность, нечистоплотность и т. д.) было исторически свойственно французскому обществу [1, с. 238]. Таким образом, теоретик утверждает, что, несмотря на ранние оптимистичные прогнозы о скором преодолении социального неравенства, валоризация капитала в мировом масштабе предполагает сосуществование и наращивание всех существующих прежде форм эксплуатации, в том числе самых архаичных (например, неоплачиваемый детский труд) и тяжелых (условия труда, близкие к рабству). Причем деструктивная эксплуатация рабочей силы происходит не только в странах Третьего мира, но и в развитых западных странах под действием миграционных политик, следствием чего является и расовая дискриминация. Из этого вытекает поляризация пролетариата в современных развитых национальных государствах. Социально защищенная часть рабочего класса, обладающая такими привилегиями, как доступ к широкому потребительским благам, массовое образование и социальные гарантии, через механизм перераспределения прибыли получает выгоду за счет эксплуатации наиболее депривированной его части – нелегальных мигрантов. Кроме того, внутри рабочего класса присутствуют и другие барьеры, сегментирующие его – этнические, гендерные, межпоколенные. Поэтому категория «мировой пролетариат» представляется автору еще более иллюзорной, чем «мировая буржуазия» [1, с. 202–203]. Тем самым, рабочий класс, по его мысли, «представляет собой одновременно гетерогенную и изменчивую народную массу, по определению не обладающую строгими «границами»,

поскольку таковые зависят от непрекращающихся трансформаций трудового процесса и процесса движения капитала» [1, с. 241].

Ключевым тезисом создателя мир-системного анализа И. Валлерштайна, высказанным еще в его работах 1970-х, было то, что капиталистическая система как форма мирового разделения труда сложилась раньше, чем национальные формы капитализма, и именно буржуазная миросистема породила национальные государства Европейского типа, сложившиеся к концу XVII в. Процесс постоянной экспансии мирового капитализма на основе неэквивалентного обмена формирует структуру осевого разделения труда на центр и периферию, т. е. ядро приобретает при обмене часть прибыли, а периферия ее теряет. Ключевую роль в установлении экономических иерархий играют сильные государственные институты стран ядра, одной из задач которых являлось ослабление государств стран периферии (например, навязывать им необходимость развивать те формы труда, которые находятся внизу экономической системы) [8, с. 32]. Тем самым, автор показывает, что исход классовой борьбы определяется местом в мировом капиталистическом порядке. Как и Э. Балибар, он обращается к проблемам институционализированной дискриминации, демонстрируя, что расизм и сексизм функциональны для капиталистического способа производства и встроены в саму его структуру. Длительное рекрутирование необходимого числа работников за меньшую плату, чем они заслуживают, не только способствует росту прибыли, но и приводит к воспроизводству сообществ людей, привыкших к исполнению определенных социальных ролей. Данная идеология тем самым легитимирует структурно закрепленное социальное неравенство, не связанное с индивидуальными заслугами и усилиями [1, с. 45]. Валлерштайн исследует механизм так называемого «неравного обмена», определяющий глобальное присвоение прибавочной стоимости, когда в результате вмешательства государственных организаций увеличивается поле рыночной свободы для буржуа стран-лидеров. Он предлагает переосмыслить методологию М. Вебера [3], рассматривая классы, статусные группы и партии не как три автономных образования, а как различные формы одной и той же реальности. В таком случае, по его мысли, стоит обратить внимание на условия, при которых тот или иной слой воплощает себя как класс, статусная группа или партия. Солидаризируясь с марксизмом, автор полагает, что классовое сознание выходит на авансцену только в период революционной ситуации, а не в моменты технологических и экономических изменений, как думал Вебер.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло на основе методологии прагматизма исследуют изменение идеологии на новом этапе развития капитализма. По мысли авторов, одним из принципиальных моментов стабилизации на этапе формирования современного типа капиталистической системы являлось поддержание культурно приемлемого баланса разрыва между социальным положением и образом жизни управленцев и рабочих [2]. Они констатируют, что на современном этапе легитимация капитализма находится в глубоком кризисе. Эту форму морального оправдания они рассматривают в двух ракурсах: как индивидуальное моральное оправдание и как основание общего блага. Все формы легитимации капитализма призваны сдерживать процесс накопления капитала, уравнивая позиции социальных классов с точки зрения представлений о справедливости. Они выделяют три этапа в динамике этоса капитализма: описание первого сложилось к концу XIX в.: прогрессистская, ориентированная в будущее, технократическая модель социального развития, в центре которой фигура предпринимателя и буржуазные ценности. Для рабочих эта форма легитимации капитализма позиционировалась как искоренение форм личной зависимости, освобождение от влияния местных сообществ, семьи, земли. Вторая версия «духа капитализма» утверждается в 1930–1960-е гг. и центральным ее элементом становится крупное промышленное предприятие. Рабочим предлагалась возможность удовлетворить все их материальные потребности посредством массового производства и потребления, чувство защищенности и стабильности, а также перспектива карьерного

роста, доступа к властным полномочиям. Подобная идеология социальной справедливости требовала чувства институциональной, а не классовой солидарности, что значительно ослабило классовую борьбу. С распадом различных форм социального государства, эта идеология потеряла свой мобилизационный потенциал. В 1990-е гг., на момент написания книги, происходит становление нового, третьего «духа капитализма», который связан с его глобальной высокотехнологичной формой [2, с. 58–60]. Авторы рассматривают современный неоменеджмент, который развивает тонкие механизмы контроля над разными категориями работников – от менеджеров высшего звена до рабочих. Разнообразие рабочей силы порождает необходимость разработки более детализированных идеологических и управленческих форм: т. е. сегодня «по-разному контролируют рабочих, получивших образование, рабочих первой волны эмиграции или выходцев из сельской местности» [2, с. 159]. В традиционных моделях менеджмента 1960-х предприятие берет на себя социальную роль, рационализируя свои нужды в терминах прогресса, а рабочим предоставляя гарантированное удовлетворение их нужд в качестве защиты от «красной угрозы» – коллективного действия, продиктованного коммунистической идеологией. В 1990-е возникают новые формы электронной дистанционной коммуникации, упраздняющие структуры традиционной бюрократии. На смену идее карьерного роста приходит идея личного совершенствования путем вовлеченности во множество последовательных проектов [2, с. 182], гарантированная занятость сменяется меритократической конкуренцией, основанием которой является совокупность личных компетенций каждого отдельного работника. Тем не менее, контингентный мир сетей с его отсутствием четких инструкций и рекомендаций, размывает и критерии оценки данных компетенций, зачастую смещаясь от субстанциональных профессиональных качеств человека к отношенческим, эмоциональным качествам, умению налаживать и использовать связи [2, с. 282].

Такая логика меняла способ восприятия и описания социальной дифференциации. Постмодернистская критика, акцентировав мобильность, текучесть «номадов» в пространствах открытых сетей [4] элиминирует границы между произведенными в предыдущих социальных структурах порядками, в том числе, границы между классами. Ряд авторов полагал, что «класс» как традиционная социологическая категория унаследована нами из XIX в. и в современных открытых обществах необходимо выработать новый понятийный ряд. Агрегирующие категории и статистическое выявление тенденций исходя из сегментации индивидов на основании принадлежности к подобным искусственно созданным общностям, по мысли авторов, противоречат новым эмпирическим данным, акцентирующим влияние случайности в развитии человеческого общества [9, с. 733]. Тем не менее, реальность не подтвердила идеи теоретиков позднего модерна и постмодерна 1960–1970х гг. Все рассмотренные нами авторы подчеркивают не просто сохранение классовых структур, но и их усиление к концу XX в. за счет внутреннего разобщения и сегрегации рабочего класса: «Двадцать лет систематического отбора, в течение которых оказывались отстраненными от работы, всякий раз как возникала возможность какого-то выбора, наименее «мобильные», наименее «приспособляемые», наименее «дипломированные», «слишком старые», «слишком молодые», «выходцы» из Северной Африки, «черной» Африки и т. д., привели нас к современной ситуации, отмеченной, как мы видели, все более и более явным разделением трудовых ситуаций между теми, кто пользуется некоторым обеспечением... и теми, кто, будучи обречен на ненадежность ситуации и невысокие зарплаты, видят, как каждый день уменьшается их возможности получить постоянную работу, и приходят к отчаянию и насилию [2, с. 421–422].

Таким образом, анализ работ ведущих теоретиков конца XX в. показал обоснованность их выводов и прогнозов. Дискурсивное конструирование классов через законодательно закреплённые номенклатуры социoproфессиональных категорий сводит на нет классовые различия, именуя рабочих «менеджерами» и «операторами» при отсутствии у них каких-либо реальных функций контроля. Развитие капитализма разрушило опору

классовой идентичности. Распад профсоюзного движения (в особенности это касается рабочих сервисной сферы, при формировании которой профсоюзы сознательно устранялись), деконструкция исторически сложившихся категорий наименования классовых общностей, перевод неквалифицированных рабочих мест в страны с более низкой зарплатой и экстернализация найма сыграли первостепенную роль в этом процессе. Индивидуализация трудовых ситуаций (зарплата по эффективности, конкуренция и соревновательность между работниками, развитие системы премиальных) привели к разрушению рабочей солидарности, сделав рабочий класс легко управляемым, в особенности с учетом растущих технологических возможностей контроля и надзора. Усугубляет ситуацию имплицитный расизм и сексизм рабочего класса, который оказывается выгоден в капиталистической системе, так как позволяет сократить расходы на заработную плату. Труд рабочих в постиндустриальном обществе не исчезает, а переносится в сферу услуг и на предприятия меньшего размера. Развивающиеся же страны превратились в крупнейшие производственные центры, тем самым положение местного рабочего класса ухудшилось, возникли новые формы классового подавления в глобальном масштабе.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003.
2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад.Маргинем Пресс, 2014.
6. Beck U. Risk society. London: Sage Publications, 1992.
7. Pakulski J., Walters M., The Death of Class. London: Sage, 1996.
8. Wallerstein I. Historical capitalism. L., N. Y.: Verso, 1989.
9. White H. C., Boorman C. A., Breiger R. L. Social Structure from Multiple Networks. I. Blockmodels of Roles and Positions // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81, N 4. P. 730–780.

УДК 316.4.063.6

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ СМЕРТИ КАК ФАКТОР, ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

С позиций социологического подхода рассматривается феномен социальной смерти как фактора, дестабилизирующего общественное развитие. Выделяются различные виды и уровни социальной смерти, способствующие возникновению и распространению социальной напряженности. Обосновывается, как ослабление института семьи, одиночество личности, усиление дискриминации, гражданская и политическая смерть, безработица и духовная смерть оказывают деструктивное влияние на социальные процессы.

Ключевые слова: социальная смерть, дестабилизирующий фактор, дискриминация, безработица, общественное развитие.

I. E. Levchenko

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

THE PHENOMENON OF SOCIAL DEATH AS A FACTOR THAT DESTABILIZES SOCIAL DEVELOPMENT

The article considers the phenomenon of social death as a factor that destabilizes social development from the standpoint of a sociological approach. Various types and levels of social death that contribute to the emergence and spread of social tension are identified. The author shows how the weakening of the family institution, loneliness of the individual, increased discrimination, civil and political death, unemployment and spiritual death have a destructive impact on social processes.

Keywords: social death, destabilizing factor, discrimination, unemployment, social development.